

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1997 г.

В. Н. Ярхо

НОВЫЙ ПАПИРУСНЫЙ ОТРЫВОК ДРЕВНЕЙ АТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ*

История древней аттической комедии с начала 10-х годов нашего века не богата папирусными открытиями: после публикации в 1911 г. достаточно обширных фрагментов комедии Евполида «Демы»¹ не было ничего, хотя бы отдаленно сравнимого с находками из Менандра. Правда, за это время набрались довольно большие отрывки комментариев к «Проспальтянам», «Марианту» и «Таксиархам» того же Евполида², а также к одной из недошедших комедий Аристофана³, но улов собственных стихов обоих поэтов не слишком велик. На этом фоне истинной находкой для историков античной драмы стали два отрывка, с разных сторон характеризующих фантастическую стихию древней аттической комедии.

Первый – из комедии Аристофана «Герои», поставленной, вероятно, ок. 415 г., – дошедший отрывок⁴, написанный в сравнительно редком размере, принадлежит, по-видимому, к пароду хора, где герои, покинув подземный мир (тот же сюжетный ход, что в «Демах»), представляются зрителям и собираются проверить состояние общественной нравственности, сильно пошатнувшееся в годы Пелопоннесской войны. Вот эти стихи в переводе М.Л. Гаспарова:

И еще, о люди, вовек
Воздавайте героям честь.
Ибо это от нас для всех
По делам и благо и зло;
Это мы глядим, кто не чист
Кто злодей, кто плут, а кто вор.
И за это каждому – хворь:
Кому кашель, кому понос,
Кому опухоль, кому зуд.
Лихорадка, лишай, прострел,
Одуренье, подагра, сыпь, –
Такова от нас казнь вора.

Другой отрывок – семь стихов в трохеических тетраметрах, заимствованных явно из какой-то парабасы⁵ и вводящих нас в парадоксально-фантастическую атмосферу жанра. Здесь рисуются перспективы некоего города, где жизненный процесс получает

* Статья выполнена в рамках гранта, выделенного фондом «Культурная инициатива» в области гуманитарных наук.

¹ *Comicorum Graecorum fragmenta in papyris reperia* / Ed. C. Austin. B. – N.Y., 1973. № 92. P. 84–92 (огромная литература; новое издание: *Poetae Comici Graeci* (PCG) / Ed. R. Kassel et C. Austin. V. V. B. – N.Y., 1986. Fr. 99. P. 344–351. Там же – и литература, прибавившаяся после 1973 г.

² PCG. V. III. Fr. 192, 259, 268.

³ PCG. V. III, 2. B.–N.Y., 1984. Fr. 590.

⁴ PCG. III, 2. Fr. 322 (впервые опубликован Р. Меркельбахом: ZPE. 1967. Bd. I. S. 97–99).

⁵ CGFPR. P. 49. Fr. 76 (Р. Оху. 37, 1971. 2806) verso 5–11. Принадлежность Кратину недостоверна.

небывалос ускорение:

И об остальном узнайте, стоит этого рассказ:
 Всем рожать вам будут жены поколения детей.
 Проносьяв живот свой месяц, три ли, ну, от силы, — пять;
 Нарожают, сколько хочешь мальчиков и девочек.
 Те же сразу повзрослеют, лишь пройдет пятнадцать дней.
 Щеки борода покроет, лишь пройдет пятнадцать дней.
 И жениться снова станут, лишь пройдет пятнадцать дней

(пер. В. Ярхо)

Таким образом, каждый из отрывков даст хоть и небольшое, все же дополнительное представление о главных направлениях развития древней аттической комедии — политико-сатирическом и сказочно-фантастическом.

Наконец, пришел и на нашу улицу праздник. В 1984 г. Дьюкским университетом (США, штат Северная Каролина) была приобретена, а в 1991 г. У. Уиллисом впервые опубликована⁶ полоска папируса длиной 46 см и шириной около 12,2 см, вырезанная из какого-то документа середины III в. до н.э. В конце того же века или в самом начале следующего ее выскоблили, чтобы нанести на нее в три колонки (17, 17 и 16 строк) 50 стихов, по содержанию являю занимающихся из комедии. Поскольку публикатор не решился однозначно идентифицировать автора пьесы, он дал новой находке условное название *comoedia Dukiana* (по месту хранения папируса), под которым она и вошла в научный обиход.

Стиль и характер отрывка показывают, насколько условной является традиционная периодизация аттической комедии⁷. Перед нами — диалог двух персонажей в трохеических тетраметрах — размере, часто употреблявшемся в особенно оживленных сценах древней комедии. Один из них (назовем его *Б*) — либо повар высокой квалификации, либо (что вероятнее) — большой гурман, особенно по части рыбных блюд. Другой (назовем его *А*) — персонаж вспомогательный, скорее всего тоже повар, но менее красноречивый, а возможно, просто необходимый для диалога слушатель. Уже из первого стиха ясно, что мы попадаем в самую середину разговора, где обсуждались сравнительные качества разных рыб. Персонаж *Б* произносит восторженную речь, восхваляя сома (2–16), так что *А* вспоминает в этой связи знаменитый панегирик Исократа «Елена» (одна из зацепок для датировки отрывка). Вместе с тем становится ясно, что похвала сому не избавит его от необходимости быть сваренным по высшим правилам поварского искусства, — здесь идут необходимые предписания (20–44), из которых, впрочем, не следует, что *Б* дает их в качестве повара, — вполне вероятно, что перед нами любитель хорошо поесть, который наставляет *А*, только начинающего свою поварскую карьеру. В результате должно получиться блюдо такой привлекательности, что гостям придется угощаться им по очереди: пока одни едят, другим в полном вооружении надо охранять дом от посягательств соседей-бедняков, которые могут пойти на него приступом, и даже от самого Зевса (46–50).

До сих пор мы находимся целиком в русле «кулинарной» тематики, не чуждой древней аттической комедии, но особенно пышным цветом расцветшей в ее средний и новый периоды, — здесь мы встречаем не просто поваров, а теоретиков своей профессии, умеющих дать ей едва ли не философское обоснование⁸.

С другой стороны, приемы построения стиха, неологизмы, а главное, постоянное смешение кулинарного содержания с злободневными намеками на политическую, религиозную, культурную обстановку в Афинах заставляет видеть в нашем отрывке

⁶ Willis W. H. *Comoedia Dukiana* // GRBS. 1991. V. 32. P. 333–353. За ксерокопией этой статьи я крайне признателен проф. В. Люппе (Университет им. Мартина Лютера, Галле-Витгенберг, ФРГ), см. также его статью: Luppe W. Überlegungen zur «Comoedia Dukiana» // ZPE. 1993. Bd 98. S. 39–41.

⁷ См., впрочем, по этому поводу очень содержательную книгу: Nesselrath H. G. Die attische Mittlere Komödie. В.-N.Y., 1990 и нашу рецензию: DLZ. 1992. Bd 113. S. 696–700.

⁸ См. Менандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982. С. 372–378.

представителя все еще живой древней аттической комедии. Чтобы выявить все эти намеки, надо привести текст целиком с учетом тех дополнений, которые уже сделаны после его опубликования.

- А: Ты и вправду так считаешь, что горбыль важнее, чем сом?
Б: Знай, что сом всех рыб мудрее и всех рыб начальственной.
Он – владыка, повелитель, предводитель рати всей;
Остальные же рыбешки – рядовые; доля их –
5 Свитой шествовать послушной, копья вслед за ним носить.
А: Вижу, ты сому собрался песнь сложить похвальную.
Б: Если звать его иначе, то Адонисом речным:
Он – отчаянная рыба, до любви охочая.
И за то талантов в десять к ней обходится гарнир.
10 А: И под крышкой, вроде шляпы для эфэбов, варится.
Б: Поутру у сомьей двери рыба всякая стоит.
Поднести ему посланье все готовы. Говорят:
"Искупался ли и вышел? (Мы ведь можем подождать.)
Все ли удалось меотам, что в запрос включили свой?"
15 Ждет его с прошением окунь, что живет среди камней,
И от нильских рыб посольство, избежавшее сетей.
А: Да, как ты сома возносишь, не прославил Исократ
В похвале своей Елену. Но скажи, молю богов,
Что здесь за приготовления? Удивительно смотреть!
20 Б: Ах, дурной! Не каждый может запросто подплыть к сому.
Надо раньше записаться, посвящение пройти
Средь детей самофракийских, – как варить его узнать.
Как свершают омовенья, и притом без музыки.
Как предписано, обмоешь, разведя водою соль,
25–26 И слегка прибавишь крови от почтенной рыбы-меч:
Пять раз справишь ты победу из пяти источников.
После вытрешь, чтоб блестел он, как крыло лебяжее,
Иль, как лысина на солнце, ослепительно сверкал.
30 Так чисты должны быть жабры, чтобы уподобились
Белым бедрам девы юной.
А: Хватит! Близкой своей
Ты сживешь меня со свету. Что же, победа за тобой.
Б: Пять эфэбов на руках пусть вынесут кастрюлину
Шириной и глубиной так, чтоб можно утонуть.
35 Выложи листом смоковым и приправой разною,
Луком, чесноком слоями и душицы ветками;
Не забудь Нереея влагу, свежесорванный укроп,
Укус, острый, но не резкий, как у казначея ум.
Из глубокого лекифа волоокой девы влей
40 Масла щедрою волною, чтоб недрогнувшей рукой
Кверху дном сосуд над рыбой, не скупясь, перевернуть.
А когда решишь, что блюдо уж готово, – крышу сдвинь,
Потряси, и в ноздри втянешь наслажденья на пять драхм.
И останется лишь палец Гарпократа обсосать.
45 А: Отче Зевс, дрожу, услышав, и боюсь, что никогда
Не видать кастрюле этой бсотийского угря.
Б: Прежде, чем отведать блюда, на засов запи чертог.
Пусть одни едят, другие ходят с копьями вокруг,
Чтобы нищие соседи мятежа не подняли
50 И чтоб Зевс, как новый лебедь, на пирушку не проник...

(пер. В. Ярхо)

Теперь пойдем по порядку, чтобы вскрыть многозначность едва ли не каждой детали текста, придающую ему и особую трудность в толковании, и особую комическую значительность в восприятии его зрителями.

Адонис – это, с одной стороны, герой известного мифа, возлюбленный Афродиты, погибший на охоте от удара клыком кабана. Как видно, и сом в угаре страсти теряет бдительность, и его легче всего захватить как раз в этот момент, что повлечет за собой расходы на приправу при его приготовлении (7–9; конечно, не на десять талантов – это обычное комическое преувеличение). В то же время была еще и рыба под названием «адонис» – словарь определяет ее как один из видов летучих рыб, выходящих спать на прибрежный песок. Существуют ли в природе такие рыбы, наделенные и жабрами, и легкими, судить ихтиологам, но афинские зрители, несомненно, чувствовали все обилие смыслов, уместившихся в один стих. В ст. 10 – снова двойное значение: эфебы – афинские юноши 17 лет, проходившие двухгодичную военную службу, причем в их «форму» входила широкополая шляпа *πέτασος*, хорошо защищавшая от солнца. Но слово *πέτασος* обозначало и крышку для котла или большой кастрюли. В оригинале на нем построена игра смыслов, которую не удалось передать в переводе: сому так же хорошо вариться под крышкой, как эфебу, ожидающему лакомого блюда, укрываться от жары под шляпой. Дальше идет описание утреннего визита к сому его верноподданных, напоминающее прием у какого-нибудь афинского архонта, слушающего претензии сограждан. Одни из них – как в будущем римские клиенты у двери патрона – принесли посланье с похвалой его достоинств, другие явились с прошениями по существу. Между ними заходит разговор, в частности о том, удовлетворил ли сом какой-то из запросов меотов (14). И опять, меоты – это племена, жившие в районе нынешнего Азовского моря, и название рыбы, которая там водится.

Описание, предложенное Б, настолько, по-видимому, разожгло интерес А, что он решил узнать, как же готовят эту чудо-рыбу. Снова мы попадаем в область словесной игры. С одной стороны, в Эгейском море, у побережья Фракии, водилась мелкая рыбешка, которая так и называлась «фракиянка», с другой стороны, здесь же находился остров Самофракия, известный культом и таинствами местных древних божеств Кабиров. Наш персонаж Б и сравнивает умение варить сома с посвящением в таинства кабиров – «детей самофракийских» (20–22), что должно было вызывать оживление у аудитории. Пойдем дальше. Омовение – одна из составных частей праздника Плинерии в Тегее, когда ему подвергалась статуя Афины. (Во время этой процедуры некогда гостивший в Тегее Геракл застиг Авгу.)⁹ Происходило оно в тишине, без музыкального сопровождения – отсюда указание в ст. 23. Мыть надо сома пять раз – так совершающий это омовение уподоблялся атлету, одержавшему либо пять побед подряд, либо одну, но в пятиборье.

Затем начинается готовка, для чего требуется огромная кастрюля; опять приходится прибегать к услугам эфебов, да не одного, а пятерых. Поскольку крупного сома надо уложить в несколько рядов, то и кастрюля нужна высокая (в оригинале сказано: «на глубину ныряльщика», 34, причем не исключается, что особенно внимательный зритель мог вспомнить образ из эсхилловских «Молящих» (408–410), где царь Пеласг, поставленный перед дилеммой принять или отвергнуть Данаид, сравнивал себя с ныряльщиком, которому надо глубоко проникнуть в суть тайны, скрытой под водой). «Влага Нерей» (37) – конечно, соль, но, названная так, звучит торжественнее. Что касается «волоокой девы» (39), то тут возможны различные объяснения. Ею могла быть Ио, аргосская жрица, превращенная в телку и обреченная на долгие скитания, прежде чем она достигла Египта, где и обрела вновь человеческий облик. Но богиней-коровой была и египетская Исида, чей культ на рубеже V–IV вв. стал проникать в Грецию, равно как и Гарпократ (египетский «Гор-ребенок»), сосущий палец, – образ, достаточно распространенный в эллинистическом искусстве, но может быть, добравшийся до Афин и раньше? В ст. 47 – пародия на трагедию: слово *τέρσιον* (мы перевели его «чертог») встречается несколько раз

⁹ Koenen L. Eine Hypothese zur Auge des Euripides und tegeatische Phyloterien // ZPE. 1969. Bd 4. S. 7–18; P. Köln. 1976. Bd 1. № 1.

у Еврипида в значении «балка», «кровля», «жилище» (например, «чертог Аида» – подземное царство). Опадение мятежа бедняков (49) вполне объяснимо в годы всеобщего расслоения и обнищания во время Пелопоннесской войны и после нее. Наконец, Зевс, принявший образ лебедя, соединился таким способом с Ледой, матерью Елены. Теперь аромат от сваренного со всеми приправами сома может возбудить в нем такую же страсть (50).

Из всего сказанного, в том числе и из упоминания «Елены» Исократы, обычно датируемой первым десятилетием IV в., получается, что пьеса, откуда был заимствован наш отрывок, относится к переходному периоду между древней и средней аттической комедией. Соблазнительно считать этой пьесой «Рыб» Архиппа¹⁰, афинского комедиографа, одержавшего первую победу между 415 и 412 гг. Ему даже приписывали четыре недошедшие комедии Аристофана, которые считаются неподлинными. Полагают, что содержание «Рыб» в какой-то степени повторяло аристофановских «Птиц»: как там обитатели воздуха, так здесь жители рек и морей решали основать свое царство, чтобы противостоять хищничеству человека. «Рыб» датируют около 401 г., но нам важна даже не конкретно та или иная пьеса, а самый тип комедии, сочетающей традиции общественной сатиры с бытовой тематикой. Кстати, у Архиппа были комедии «Амфитрион» и «Свадьба Геракла» – названия указывают на мифологическую пародию, т.е. на другую ветвь той же средней аттической комедии.

¹⁰ Csapo E. The Authorship of the Comoedia Dukiana // ZPE. 1994. Bd 100. S. 39–44.